

Май Петрович, в 1942 году вы ушли добровольцем на фронт - как раз в том возрасте, когда будущие художники начинают свое образование, и совершенствовались уже в достаточно зрелом возрасте, причем заочно. Какую роль в вашем формировании как художника сыграли семья, семейные традиции?

- Семья обрекла меня стать художником! Фактически художественное образование я получил задолго до фронта - в раннем детстве. С одной стороны, это сделал мой отец, Петр Васильевич Митурич, который уже в десятые годы прошлого века считался тонким мастером русской графики. Органически связывая искусство и науку, он верил, что в творческих исканиях выражаются живые законы бытия. В нем как бы соединились художник и изобретатель-конструктор. А с другой - мама, Вера Владимировна Хлебникова, которая, окончив Казанский университет, три года обучалась в частных академиях Парижа и Флоренции и стала художником-живописцем. Родителей соединило искусство. Еще в 1916 году отец познакомился с братом будущей своей жены, моим дядей - «первым председателем земного шара», как он себя называл, поэтом Велимиром Хлебниковым. В начале 20-х их связала близкая дружба. После смерти дяди - он скончался на руках у моего отца в деревне Санталово - мама приехала в Москву из Астрахани, откуда происходят наши хлебниковские корни.

Учитывая такую семейную основу, можно предположить вашу генетическую предрасположенность к искусству...

- Не могу точно сказать: моя жизнь в искусстве - это гены или воспитание. Семья Хлебниковых богата талантами, а когда дед с бабушкой перебрались из Астрахани в Москву, они внесли свою лепту в мое воспитание. В конце 20-х мы жили на девятом этаже в доме на Мясницкой, во дворе легендарного ВХУТЕМАСа. Дом был без лифта, и бабушка, например, как приехала, так практически на улицу и не выходила, много занималась мной. Дед, Владимир Алексеевич Хлебников, орнитолог, когда бывал в хорошем настроении, сажал меня на колени, и мы подолгу рассматривали книжки из его зоологической библиотеки. Видимо, все это сказало потом, когда я в многочисленных поездках и экспедициях увлекался рисованием животных и птиц, а также оформлял детские книги. По сути я получил такое же воспитание, что и дядя, поэт Велимир Хлебников, и мама, художница Вера Хлебникова.

Что же касается влияния отца, то помню, как в нашу квартиру, из окна которой он сделал, кстати, известные рисунки «Мясницкая улица», «Портрет Веры Хлебниковой» (обе работы 1924 г. - В.П.) в полный рост, по единственной ведущей к нам черной лестнице приходили художники, и шли постоянные диспуты об искусстве. Я все это слушал и до сих пор ориентируюсь на то, что тогда впитал. Отец считал, что художник формируется примерно к сорока годам. Я это понял, когда ощутил в себе внутреннее противоречие: не слушался взрослых разговоров и теоретически знал, как надо работать, но когда пытался делать это, ничего не получалось. Пришлось преодолевать эту дистанцию, точнее, ту теоретическую основу пришлось переосмысливать уже самому.

Вы сегодня один из самых известных художников России. В то же время не помню, чтобы не только близкие друзья, но и коллеги, хотя приближается ваш 80-летний юбилей, называли вас по имени-отчеству, - возможно, как единственного Мая. Почему вам дали это редкое, весеннее имя?

- Наверное, потому, что родился в мае. Впрочем, меня-то никто не спрашивал. Я к этому имени привык, а потом понял, что пора его менять, детское оно какое-то, несерьезное, но так и не собрался. Вероятно, родители думали, что я всегда буду маленьким...

Вы говорили, что ваш отец, Петр Васильевич Митурич, был не только удивительным художником, но и изобретателем. Расскажите о его изобретениях, их судьбе. Сохранились ли они, где?

- Отец работал над волновыми движениями или волновиками, принцип действия которых состоял в повторении движений птиц, рыб, животных. В сороковые, когда отец, обвиненный как художник в формализме, оказался не у дел, он много времени уделял своим изобретениям, дома строил модели из подручных материалов. В 1933 году академик Г. Кржижановский рекомендовал их для использования в кораблях, самолетах, дирижаблях.

Сейчас ими никто не интересуется, а отец имел двенадцать авторских свидетельств, гордился своими изобретениями -

Действительный член Российской академии художеств, лауреат Государственной премии России, профессор Май Петрович Митурич-Хлебников родился 29 мая 1925 года в семье художников Петра Митурича и Веры Хлебниковой, сестры поэта Велимира Хлебникова. В начале войны ушел добровольцем на фронт. В 1953-м окончил Полиграфический институт, заведовал кафедрой в этом же институте. Много путешествовал по российскому Северу, Дальнему Востоку, Сибири, создав коллекции произведений, связанные с этими краями. Жил и работал в Японии. Участник огромного числа выставок в стране и за рубежом. Работы Митурича-Хлебникова находятся в крупнейших музеях мира и частных коллекциях. Накануне юбилея мастер согласился побеседовать с нашим обозревателем в своей творческой мастерской.

Май МИТУРИЧ:

ДО СИХ ПОР НЕ ЗНАЮ, КАК ЗАВЯЗЫВАТЬ ТЕСЕМОЧКИ НА КИМОНО

ми. Однако их постигла печальная судьба. Отец работал в так называемой секции машущего крыла при существовавшем в те годы Думе авиации и завещал мне передать модели в эту секцию. Я выполнил его волю, но, к счастью, отдал не все модели. А вскоре эту секцию прикрыли, я узнал, что модели оказались на свалке где-то в Тушине, помчался туда, но нашел лишь обломки. И все же у меня сохранились две-три модели.

В далекие нынче пятидесятые вы получили признание как книжный график. Поколения детей воспитывались на ваших, ставших хрестоматийными, иллюстрациях к стихам С. Маршака и А. Барто, К. Чуковского - «Сказки дедушки Корнея», Льюису Кэрроллу - «Приключения Алисы в стране чудес» - и многим другим детским книгам, издававшимся огромными тиражами. Почему в последние годы почти не появляются книжки с вашими иллюстрациями?

- Когда началась перестройка, издательства, в которых я работал - «Малыш», «Детская литература», «Советская Россия» и другие - заглохли, и с той поры я ничего не делаю в детской книге. Новые издатели интересовались моими иллюстрациями, но, видимо, они их разочаровывали. То есть их представления об эстетике книжного оформления не совпадали с моими. Это касается не только меня, а также очень интересных, по-моему, художников Виктора Дувинова, Евгения Молина, которые также не востребованы. За последнее время вышли лишь «Журавлиные перья», которые я сделал пятнадцать лет назад. Лежит у меня еще одна большая серия иллюстраций, которую надеюсь издать.

Но я не жалею. Книжную иллюстрацию считаю пройденным этапом, и сегодня заниматься книжной графикой мне довольно трудно. Это очень тяжелая работа: когда преподавал и заведовал кафедрой в Полиграфическом институте, ко мне часто обращались за помощью начинающие художники. Я рекомендовал способным мальчикам и девочкам знакомым издательствам, они приступали к работе и... исчезали. Ведь создать хорошую картинку - одно дело, а сделать законченное издание, выполнить с начала и до конца иллюстрацию на выбранную те-

му - изнурительный труд, который выматывает автора.

Сегодня я отошел от детской книги. Нынешняя продукция меня не радует, то, что я вижу, напоминает американские комиксы. Но, видимо, такова потребность рынка.

В последнее время на ваших выставках действительно чаще встречаются живописные работы. То же вижу у известного мастера гравюры Иллариона Голицына. Это что: мода, внутренняя потребность или общая невостремленность графики?

- Я считаю, что деление художников по технике и материалу исполнения - условное. Но ярлык уже наклеен, я график, и никак от этого не отмываться. В нашей семье доминантой считался станковый рисунок, а книжная графика - прикладным искусством, но именно она давала заработок и отцу, и мне. Это было приятным средством заработка, тем более что занятие книжной графикой требовало постоянных творческих поездок.

При этом всегда писал маслом. Но поскольку ярлык графика был наклеен, на все выставки у меня брали исключительно графические работы. Когда пытался выставить живопись, мне говорили: ты же график, а у живописцев, мол, самих места мало, негде выставлять работы, поэтому в прошлые годы никто и не видел моей масляной живописи. В МОСХ секции или подсекции живописи, эстампа были как некие перегородки. По-видимому, это деление - попытка чиновников всех пересчитать.

На своих последних выставках вы представляете беспредметную, абстрактную живопись. В чем тут дело? Многие искусствоведы считают, в искусстве книги вы несете традиции таких мастеров, как В. Лебедев, В. Фаворский, П. Митурич и другие. Можно ваши современные живописные работы представить как визуальное переосмысление философско-эстетических утопий вашего дяди, поэта Велимира Хлебникова, его мечты о преобразовании мира, всеобщем братстве людей?

- Тут опять же семейные связи. В начале 20-х годов отец создал ряд сложных пространственно-шифровых графических композиций (всего около двухсот) с дядиными стихами. Хлебников знал и ценит эти работы. Я их тоже люблю, потому

что меня очень интересует то время. Однако эти произведения не сохранились - есть лишь фотографии некоторых из них. И вот по фотографиям я реконструировал эти композиции. Потом стал фантазировать. Так, у отца имелись объемные работы, а я попытался переложить их на холст, чего отец не делал. Но все же это действительно реинсценировка на ту же тему, попытка погружения в то время, а не желание как-то эстетствовать.

Сохранился ли сегодня музей Хлебникова в Астрахани? Я слышал, там были проблемы...

- Астраханский музей-квартира, как и все провинциальные музеи, беден - в этом-то основная проблема. В квартире на нижнем этаже до переезда в Москву жила семья Хлебниковых. Лишь в девяностые годы отселили людей, занимавших эту квартиру, и под музей отделили весь первый этаж. Получилось хорошее помещение из четырнадцати залов, но существует еще второй этаж, а после войны надстроен и третий. Там текут трубы и происходит все, что у нас обычно случается... Согласно постановлению правительства музеем должен стать весь особняк, но пока этого нет.

Когда старики Хлебниковы переехали в Москву, то оставили в Астрахани часть своего имущества - здесь квартира была маленькая. В столицу привезли семейные альбомы, даже медную дощечку над входной дверью: «Владимир Алексеевич Хлебников». Сейчас, когда в Астрахани открылся музей Велимира Хлебникова, я вернул туда около полутора тысяч подлинных вещей его семьи. Даже buffet, вокруг которого крутилась вся жизнь дома, уехал. Теперь странно: эти вещи, среди которых я рос, ковырял их в детстве, гвозди в них заколачивал, стоят в музее...

Так что музей существует, даже путеводитель издал. У этого дома, как принято в южных городах, большая веранда, там собираются поэты, читают стихи. В этом году, например, меня приглашают в Астрахань на международные Хлебниковские чтения...

Вы много путешествовали. Но в основном география ваших творческих поездок связана с Дальним Востоком: Приморье, Сахалин, Камчатка, Курилы, позже

Япония, Хоккайдо. Чем вызвано такое предпочтение?

- Первые мои поездки были на Белое море. Потом ездил в Среднюю Азию, на Памир, в Туву. Дальний Восток привлекает меня экзотикой. Кстати, там я написал единственную свою книжку - о Командорских островах.

Видимо, японцы в какой-то степени интересуются моим искусством, завязались дружеские связи, и в начале девяностых я более полутора лет безвыездно работал в Русской галерее на Хоккайдо. Что касается моих иллюстраций, то японцы издавать их, по-моему, не намерены. У них свои замечательные художники, а их главное предпочтение - точность рисунка, в которой я, естественно, уступаю. Например, как правильно завязывать тесемочки на кимоно? К своим ритуалам они относятся очень трепетно. Так, подарили моей жене кимоно, а к подарку прилагалась большая красочная альбом, как его надевать. Молодые японцы этого уже не знают, и ритуал сохраняют лишь старшие.

В 1942-м вы ушли добровольцем на фронт. Как в вашем творчестве преломилась война? Вспоминаете ли?

- Стараюсь не вспоминать. Это были очень печальные годы. В армию я попал после восьмого класса. Когда началась война, мама умерла, отец как художник оказался в полном загоне, и я бросил школу. В 41-м работал трафаретчиком, делал для «Окон ТАСС» тиражи плакатов, порой доходившие до пятисот экземпляров. А с ноября 42-го стал солдатом.

Служить мне довелось в Главном дорожном управлении Красной армии (ГДУ КА). Я попал в бригаду художников, где доводилось писать портреты членов советского правительства, видных военачальников. Портреты размером три на четыре метра заготавливались заранее, а когда наши войска занимали какой-нибудь город, их грузили на машины, и мы вместе с бригадой стюардов выезжали на главную площадь, где устанавливали портреты.

Однажды, когда взяли Новгород, нам поручили сделать огромного фанерного Александра Невского по мотивам известного полотна Павла Корина. Помните, князь стоит, опираясь на меч... Установили эту фигуру высотой метров в двадцать, так что сапоги Александра Невского оказались на противоположных обочинах шоссе. И тут выяснилось, что меч, стоящий между ног князя, мешает движению машин. Приехал командующий и приказал меч укоротить. Отпилили, но рукоятка осталась, и получилось не совсем прилично. А тут приехал другой командующий, который грозно поинтересовался: за какое это место, мол, Невский у вас там держится?..

Воевать мне пришлось на Курской дуге, участвовал в боях за Харьков, Обоянь, Белгород, Киев...

Закончил войну в Берлине, на Александер-плац, где мы установили четырехметровый портрет Сталина, а рядом всех маршалов. Мне поручили портрет Рокоссовского. Сначала немцев не было видно, а когда стало известно о капитуляции, они начали потихоньку выползать - и все спрашивали: «А где Молотов?» Почему-то он их очень интересовал, и мы объясняли, что тут маршалы, а Молотов - министр...

Не только ваши предки, но и потомки известны в художественном мире, о чем свидетельствует недавняя семейная выставка в Третьяковской галерее. В чем феномен вашей семьи, где из поколения в поколение появляются люди талантливые и неординарные, причем находящие собственный творческий путь?

- Я бы не сказал, что это феномен. Есть немало художественных семей более или менее удачливых. Моя дочь, Вера Митурич-Хлебникова, пошла совсем своим путем. Я сначала даже огорчался, видя ее произведения. Ведь она хорошо иллюстрировала детские книжки. Сейчас в основном выставляют коллажи, освоила компьютер, зарабатывает дизайном. Моя внучка Маша - большой мастер дизайна, тоже окончила полиграфический, работала в журнале, а сейчас трудится в издательстве, которое делает уникальные книги со всякими прибабасами, в коже, тиражами до ста номерных экземпляров. И я рад за нее.

Собираетесь ли отметить свой юбилей художественной выставкой?

- Вероятно, осенью пройдет большая выставка в Третьяковской галерее, где я предполагаю показать живопись, акварель, рисунки, книжную графику. Академик Илларион Голицын написал уже для каталога статью - и даже со стихами.

От души поздравляем вас с юбилеем и желаем творческого долголетия!

Беседу вел
Владимир ПОТЕРСОВ
Фото автора